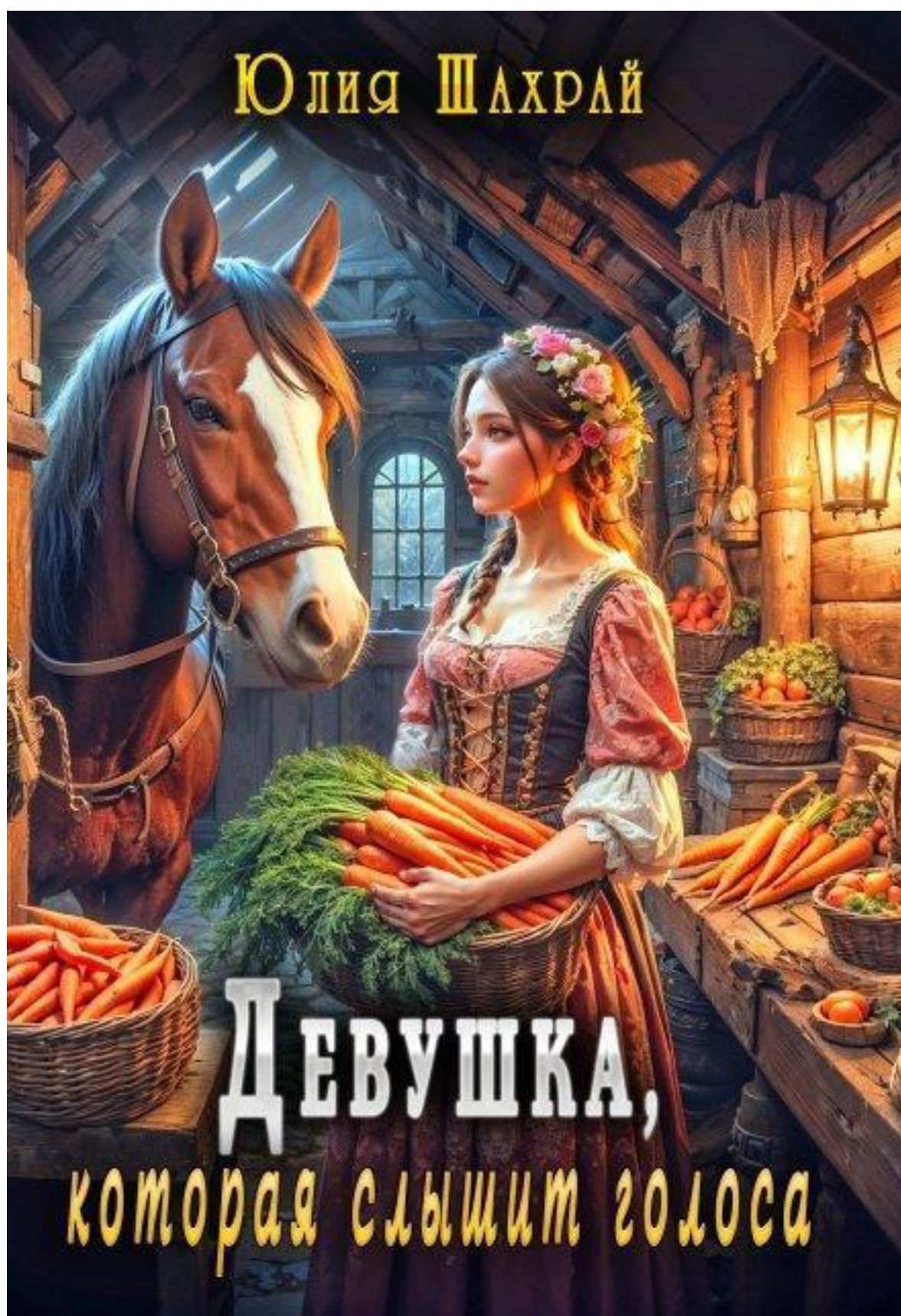

Юлия Шахрай

ДЕВУШКА,
которая слышит голоса

Юлия Шахрай

Девушка, которая слышит голоса

«Литнет»

2022

Шахрай Ю.

Девушка, которая слышит голоса / Ю. Шахрай — «Литнет», 2022

Жизнь Лии разделяется на «до» и «после» в ночь, когда она просыпается на кладбище возле частично раскопанной могилы. Она совершенно не понимает, как здесь оказалась, ведь засыпала она как обычно в своей постели. С каждым днем количество странностей увеличивается – она начинает слышать голоса, которые не слышат остальные. Она боится, как отнесется к этому ее лучший друг, в которого она тайно влюблена.*Хэппи-энд гарантированЭКСКЛЮЗИВНО на ЛИТНЕТ! Мир ОллариОгромное спасибо всем кто ставит★ звезды и оставляет комментарии!

© Шахрай Ю., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

В комнате темно настолько, что невозможно рассмотреть трещины в стенах или облупившуюся краску на потолке, но я знаю, что они там есть. Можно было бы представить, что я осталась в этом мире в одиночестве или вовсе нахожусь в безвременье, но тишину нарушает посапывание младших братьев, с которыми я делю комнату.

Засыпать страшно. Что если я ночью снова проснусь на кладбище, как случилось вчера? Повезло, что это произошло до первых петухов, и я смогла незамеченной пробраться домой огородами. А если бы уже наступило утро?.. Лучше об этом не думать. Может, это случайность, которая больше не повторится? Очень хочется на это надеяться, но что-то мне подсказывает... Лучше об этом не думать!

Может быть, попробовать и вовсе не спать? Смогу ли я? Если засну на уроке, станет только хуже – учитель хоть и добрый, но не до такой степени – наверняка напишет замечание в дневник, и мне потом влетит.

И спать страшно, и не спать страшно. Похоже, правильного решения просто нет.

Как бы мне хотелось, чтобы прошлая ночь оказалась лишь дурным сном...

Просыпаюсь от противного дребезжания. Резко сажусь на кровати и какое-то время пытаюсь вынырнуть из липкого кошмара, в котором я от кого-то убегала, но каждый раз этот кто-то находил меня, и мне снова приходилось улепетывать. А потом все повторялось снова. Наконец до меня доходит, что противный звук издает мой будильник. Выключаю его и тревожно осматриваю ноги. К моему облегчению, они чистые. Может быть, тот случай действительно больше не повторится, и я зря волнуюсь?

Натягиваю на себя платье, заплетаю косу и отправляюсь на кухню. Родители уже ушли на работу, а значит, я снова осталась за старшую.

Первым делом бегу справить нужду в деревянное строение за сараем, после этого скорее умываюсь и бегом в хлев доить корову. Точного времени, когда пастух начнет собирать скотину на выпас, нет, так что на всякий случай лучше закончить пораньше.

Как в воду глядела – стоит отнести ведро с молоком в сенцы, раздается звук пастушьего рога. Выгоняю Марену из сарая на скотный двор и выглядываю на улицу. Уже пора? Или еще нет? Дожидаюсь, пока соседка выгонит свою корову, и только после этого выпроваживаю Марену. Теперь можно немного выдохнуть – самой главной заботой меньше.

Возвращаюсь в дом. Растапливаю печь, а затем скорее убираю разбросанные вещи. Обьедки со стола отправляю в миску для собаки, мою гору грязной посуды, протираю стол и подметаю. Критически осматриваю комнату – вроде все чисто, и матери на этот раз не к чему будет придраться. Наверное. Очень на это надеюсь. Хотя, если она захочет поорать, повод все равно отыщет.

В коридоре обнаруживаю чугунок с едой для свиней и жмых для кур. Сперва кормлю свинью, а после, вернув пустой чугунок в коридор, иду в курятник. Высыпаю курам корм, а в освободившуюся миску собираю яйца, некоторые из которых еще теплые.

Дома проверяю время – десяток минут до того момента, когда нужно разбудить детей, еще есть, поэтому перекладываю в тарелку четыре яйца и иду с ними к вдове бабе Мане, дом которой находится в паре минут ходьбы от нашего. Ее старший сын три года назад погиб, вот и осталась она одна. Каждый помогает, чем может – моя мать вот яйца просила ей каждое утро относить, а отчим дровами иногда делится.

У калитки останавливаюсь и опасливо прислушиваюсь. Вроде бы тихо. Осторожно поднимаю щеколду, приоткрываю калитку и заглядываю во двор. Вреднучей козы, которая любит подкрадываться и втыкать рога в самые чувствительные места, в обозримом пространстве нет,

но по своему опыту знаю – расслабляться рано. Стремительно прохожу во двор, практически бегом преодолеваю расстояние до входной двери, распахиваю ее и шмыгаю в сенцы.

Облегченно выдыхаю, даю себе пару мгновений отдышаться, а затем стучу и захожу в небольшую комнату, всю обстановку которой составляют огромная печь, кровать с резным деревянным изголовьем, стол в окружении четырех табуретов, сундук и небольшой буфет с расставленной в нем посудой.

Баба Маня выходит мне навстречу. Приветливо улыбаюсь подслеповато щурящейся старушке:

- Я вам яиц принесла.

- Спасибо, доченька!

Перекладываю яйца в тарелку из буфета и внезапно слышу, словно мужской голос громко и четко произносит: «Тут он! Он тут! Тут!» Осматриваюсь, ища глазами гостя, с которым не поздоровалась, и улыбка сползает с моего лица – в доме всего одна комната и кроме нас с бабой Маней в ней никого нет.

Кто это? Кто? От страха покрываюсь мурашками. Может быть, мне показалось? Скомкано прощаюсь и спешу покинуть дом, но в спину мне вновь доносится напористое: «Да тут же он!». Волосы встают дыбом, воздух словно густеет и веет такой жутью, что все-таки срываюсь на бег. Останавливаюсь, только закрыв за собой дверь в комнату, которую делю с братьями. Захлебываясь рваным дыханием, чувствую, как бешено колотится в груди сердце.

Через какое-то время мой взгляд падает на часы и прежний страх вытесняется новым – если не потороплюсь, наверняка опоздаю, а значит, нарвусь на лекцию от матери. Снова начнет орать, что я лентяйка и дармоедка. А если сильно разозлится, мне и перепасть может.

Бужу братьев, выдаю им одежду с наказом одеваться, а сама иду на кухню. Разбиваю на сковороду шесть яиц и, пока они жарятся, скоренько разливаю молоко по стаканам. Отрезаю по ломтю хлеба и раскладываю вилки. К моменту, как братья успевают одеться и посетить туалет, яичница уже разложена по тарелкам, и мы можем приступить к завтраку.

Стремительно уминаю свою порцию и, дожевывая последний кусок, быстренько отрезаю себе сыр с хлебом, чтобы было чем перекусить в школе, и кладу его в сумку. После завтрака поспешно мою посуду и протираю столешницу, а затем выпроваживаю детей на улицу и закрываю за нами дверь на замок, ключ от которого прячу под одним из чугунков, на случай если кто-то из родителей вернется домой пораньше.

На улице уже дожидается Йон. Увидев меня он так лучезарно улыбается, что я сразу же забываю о своих тревогах и волнениях. Улыбаюсь в ответ:

- Привет! Вечно ты за мной заходишь, хотя должно быть наоборот.

- Кто же виноват, что ты такая копуша, - смеется он.

Притворно хмурюсь, но потом все-таки не могу сдержать смех. Йон всегда на меня так действует. Знаю, что он обзывается не всерьез, поэтому и не могу обижаться. Иногда я благодарю Богов за то, что он есть в моей жизни, иначе было бы совсем невыносимо.

Бабка моих братьев при виде меня строит недовольную мину, но как только до нее добегают мальчишки, ее лицо чудесным образом преображается и становится почти милым. Она так и не смогла окончательно принять то, что ее сын женился на женщине с ребенком. И меня не смогла принять тоже. С появлением близнецов ее неприязнь к матери несколько утихла, а вот ко мне - нет. При посторонних она еще сдерживается, но наедине иначе как выродком не называет.

Стоит нам отойти от дома бабки, Йон обеспокоенно произносит:

- Ты сегодня как-то неважно выглядишь. Болезнь вернулась?

Качаю головой:

- Нет. Просто плохо спала.

- Что-то случилось?

Определенно случилось. Но если я расскажу ему о том, что очнулась ночью на кладбище, а потом слышала странный голос, не подумает ли он, что я выдумываю? Лучше не рисковать:

- Ничего.

- Не хочешь об этом говорить?

Вздыхаю – слишком уж хорошо он меня знает:

- Не хочу.

- Мать снова на тебя орала?

Тушуюсь. Мои отношения с матерью – это не то, что бы мне хотелось обсуждать.

- Давай оставим эту тему. Лучше расскажи, ты сделал домашнее задание?

- Почти, – улыбается он. – Дашь списать последний пример?

Улыбаюсь:

- Конечно...

- Только не нужно утверждать, что он очень легкий, и я бы сам догадался, как его решить, если бы подольше подумал, – шутливо ужасается он.

Смеюсь:

- Именно это я и собиралась сказать.

- Ты слишком в меня веришь. Точные науки – не мое.

- Получается, скоро ты уедешь поступать? – наконец решаюсь задать вопрос, который последний месяц так и вертится на языке.

- Я решил еще годик поучиться в школе, а потом уже думать, что буду делать дальше.

Сердце наполняется счастьем – он не уедет! Еще целый год я смогу быть рядом с ним. Я так долго тянула, чтобы это узнать, из-за того что боялась услышать ответ, а оказалось, Йон остается. Пытаясь сдержать улыбку, интересуюсь:

- А родителям что скажешь?

- Что хочу подтянуть математику и историю.

Задавать этот вопрос не хочется из опасения, что он начнет сомневаться в своем решении, но я была бы плохим другом, если бы этого не сделала:

- Почему ты решил остаться и отложить свою мечту еще на год? Я думала, ты уедешь при первой же возможности.

- Может быть, я хочу, чтобы мы уехали отсюда вместе? – смеется Йон.

Сердце пропускает удар. Он сейчас серьезно говорит или шутит? Снова не могу определить. Спросить? Или не стоит? Лучше не буду. Призрачная надежда лучше, чем совсем никакой.

- Ты все еще настроен поступить в Академию Искусств?

- Конечно. Других вариантов и быть не может.

Грустно вздыхаю:

- Завидую тому, что ты с самого детства точно знаешь, кем хочешь стать. Не то, что я.

- Придет время, и ты тоже это поймешь.

- Не уверена. Пока знаю, кем точно не хочу быть – моей матерью. Никаких коров и огородов! Магического дара у меня, к сожалению, нет, хотя было бы здорово. Пойти в Академию Искусств тоже не получится – я слишком криворукая для всех этих творческих штук. Сам же видел мои рисунки...

- Но ты можешь научиться, если захочешь. Это не так уж сложно.

- Тебе так кажется, из-за того что ты это умеешь. Да и, наверное, у меня терпения столько нет.

- Но ведь наверняка есть что-то, что тебе нравится делать?

Улыбаюсь – больше всего мне нравится быть рядом с ним. А вот если кроме этого...

- Пожалуй, я люблю читать. И то только потому, что чтение помогает перенестись в другое место и забыть о настоящем. Можно работать профессиональным читателем?

- Можно, - улыбается Йон.

- Правда? – недоверчиво уточняю я.

- Правда. В крупных городах есть газеты. В некоторых из них имеются обзоры новостей в сфере книгопечатания – их авторы читают книгу и пишут краткое описание. Иногда делятся мнением.

- Но тогда придется читать не то, что мне нравится, а то, что будет нужно для статьи.

- Так и есть.

- Тогда не хочу.

- Может быть, когда ты согласишься, на какие профессии можно поступить в Академиях, увидишь ту, что тебе понравится? У меня дома где-то лежат брошюры.

- Не уверена, что смогу куда-либо поступить. В деревне уровень образования наверняка не настолько высокий, чтобы конкурировать с городскими.

- Ты себя накручиваешь.

- Или это ты смотришь на все слишком оптимистично.

- В любом случае, ты можешь просто попробовать. Денег за поступление не берут, а ты поймешь, что нужно подтянуть, если не поступишь с первого раза.

Пока терзаюсь сомнениями, взгляд Йона застывает. Он все еще идет вперед, но словно по инерции. Смотрю в ту сторону и ничего не вижу – лес как лес. Беру парня за локоть, чтобы привлечь его внимание, и спрашиваю:

- Что случилось?

Он переводит взгляд на меня и беспомощно произносит:

- Цветы распустились.

Приглядываюсь повнимательнее к тому месту, куда он смотрел, и действительно вижу беленькие цветочки. Понимающе усмехаюсь:

- Хочешь их нарисовать?

- Очень. Это так красиво! Светло-зеленый луг, коричневые снизу и темно-зеленые сверху сосны. И свет, который падает прямо на цветы, отчего они кажутся ярко-белыми... Жаль, что нужно в школу.

Улыбаюсь:

- Давай поступим так – ты попробуешь сделать набросок, а я послежу за временем. Уж десять минут мы всяко можем себе позволить. А если потом часть пути пробежим, то и того больше.

- Ты уверена? – с надеждой спрашивает Йон.

- Абсолютно! – киваю я.

- Тогда я постараюсь быстро, - он достает из сумки альбом, карандаш и начинает рисовать.

Какое-то время наблюдаю за тем, как на бумаге непостижимым для меня образом линии складываются в сосны. Йон всегда такой – как только обнаружит что-то, что покажется ему красивым, буквально застывает, как ребенок, который увидел чудо. Если его не отвлекать, может простоять так очень долго. Моего терпения хватало максимум на час, да и то мы были на озере, и я купалась, а точное время его замирания определить пока не удалось. Все еще надеюсь, что он когда-нибудь замрет в более удачном месте, в котором мне не будет скучно за ним наблюдать.

С карандашных линий мой взгляд перемещается на длинные тонкие пальцы, узкие запястья, плечо и лицо. Как всегда в такие моменты, он прикусил губу, и выглядит очень сосредоточенным. Сквозь волнистые каштановые волосы, отливающие на солнце рыжиной, видны прищуренные глаза. Обычно темно-серые. Но не в такие моменты. В такие моменты они словно светлеют, и меня это всегда немного завораживает.

Одна из прядок заслоняет ему обзор. Хочется завести ее за ухо, чтобы дотронуться до него хоть кончиками пальцев, но не решаюсь – вдруг неправильно поймет? Или, что еще хуже, правильно.

Когда, на мой взгляд, время, которое есть шанс наверстать, чтобы не опоздать на занятия, заканчивается, осторожно касаюсь плеча Йона:

- Нам пора! Прости!

- А? – он отрывает взгляд от рисунка, смотрит на меня, и в его глазах появляется понимание: - А! Конечно! Я почти закончил. А детали несложно будет потом по памяти добавить.

Жду, пока он складывает принадлежности для рисования в сумку, затем спрашиваю:

- Наперегонки?

- Давай! – улыбается он. – Три, два, один...

Срываемся с места и бежим по дороге. Через десять минут мое дыхание начинает сбиваться, а в боку покалывает, так что перехожу на шаг.

Йон оборачивается и останавливается:

- Я победил!

- Ты победил, - улыбаюсь я. – Давай немного пройдемся, а потом продолжим.

- Я бы, конечно, мог бежать и дальше, но если ты просишь... - лукаво улыбается он.

- Да ладно, - снисходительно усмехаюсь я. – Не всю же жизнь мне быть первой! Пора бы и тебе очередь уступить.

- Ой, да ладно! – усмешается в ответ. – Ты еще начни седую древность вспоминать! Пора бы уже оставить прошлое в прошлом.

- Еще чего, - смеюсь я. – Не дождешься!

Внезапно слышу тоскливый женский крик:

- Помогите! Помогите мне!

Останавливаюсь:

- Йон, ты слышал?

- Что именно? – удивленно спрашивает он.

Вслушиваюсь и снова слышу отчетливое:

- Помогите!

Крик настолько громкий, что на этот раз не услышать его сложно.

- Кто-то зовет на помощь. Ты не слышишь?

- Нет, - хмурится парень. – Мой слух лучше твоего - странно, что ты слышишь, а я нет.

Голос раздается снова, но теперь в нем появляются жалобные интонации:

- Тут так холодно! Обманул меня! Обманул! Помогите!

Покрываюсь мурашками. Неужели снова?

- Что случилось, - обеспокоенно спрашивает Йон.

- Наверное, показалось, - пытаюсь скрыть дрожь, произношу я. – Побежали?

Не дожидаясь его, срываюсь на бег. Еще несколько минут слышу голос, который то кричит, то молит. Постепенно он становится все тише и, наконец, затихает полностью. Продолжаю бежать. Через какое-то время появляется боль в мышцах и сбивается дыхание, но я упрямо продолжаю переставлять ноги. Пытаюсь сосредоточиться на том, как бы пробежать еще немного, и сил на другие мысли не остается. Еще несколько шагов. И еще. Пока силы не покидают полностью.

Останавливаюсь и буквально падаю на обочину дороги. Йон обеспокоенно подходит и протягивает руку:

- Нельзя садиться. Нужно хоть немного пройтись. Давай же, Лия!

Хватаюсь за протянутую руку, и парень буквально вздергивает меня на ноги. Затем бережно обнимает за плечи и говорит, словно я маленький ребенок:

- Давай! Шажочек. И еще один. И снова. Умница. Давай еще.

Вяло переставляю ноги. Сперва в голове блаженная пустота, но через несколько минут осознаю, что моя одежда мокрая от пота, и от меня наверняка воняет. А Йон так близко, что не мог не почувствовать этого. Становится стыдно.

Сбрасываю руку парня и отодвигаюсь.

- Пришла в себя? - заботливо спрашивает Йон.

- Да, - понуро опускаю голову.

Он роется в сумке, а затем протягивает фляжку с водой и платок:

- Вот! Оботрись!

Хочется сказать что-то резкое и злое, но вместо этого беру протянутое и сухо бросаю:

- Отвернись!

Мочу платок и протираю те участки тела, до которых могу дотянуться – подмышки, место под грудью и поясницу. Как я могла всерьез подумать, что он останется еще на год из-за меня?! Ага! Именно такие потные неряхи, как я, и становятся героинями дамских романов. Аж два раза!

Переплетаю растрепавшиеся волосы и уже после этого протягиваю флягу Йону:

- Можешь повернуться! Держи! Платок я постираю и верну.

- Ладно. Расскажешь, что это было?

- Нет.

- Лия, ты можешь рассказать мне о чем угодно. Мы же лучшие друзья! Кому, если не мне?

- Нам нужно поторопиться, - ухожу от ответа и ускоряю шаг.

Йон нагоняет и идет рядом, периодически задумчиво на меня поглядывая. Молчу. Как будто это так легко! Как будто проще простого взять и рассказать, что сегодня я слышала странные голоса, а вчера проснулась на кладбище. Это же обычное дело, когда так происходит!

За километр до школы вспоминаю, что вообще-то у меня с собой в сумке легкий платок – думала выложить его, после того как потеплело, но все время забывала. Обрадованно выуживаю его из сумки и накидываю на плечи – так мокрые места на платье будут прикрыты, пока не высохнут – одной проблемой меньше.

В школу мы приходим за минуту до звонка. В класс пропускаю Йона первым, а сама вхожу, прячась за его широкой спиной. Стоит занять свое место, ожидаемо слышу насмешливый голос Таэты:

- Чего это ты в платок по такой погоде вырядилась? Не сопреет у тебя ничего?

Молчу. А вот со стороны подружек Таэты раздается дружное хихиканье. Повезло им всем родиться в одной деревне – не удивительно, что дружат. А меня вот сразу невзлюбили. Хотя, если бы не злюка Таэта, может быть, и удалось бы подружиться с остальными, кто знает. Но как сложилось, так сложилось.

Я пыталась поговорить с Таэтой и узнать, что я ей такого сделала, что она так ко мне относится, но ничего дельного не услышала. Не считать же внятной причиной то, что я нищелюбка и уродка. Да, я из небогатой семьи, и красавицей себя назвать не могу, но и у Си, и у Раины семьи точно такие же, а с ними она дружит.

Первым уроком у нас математика. Учитель ар Дарнэм, как обычно, приветливо желает нам доброго утра и раздает задания. Хотя самый старший в нашей группе Йон, самое сложное достается мне – именно я в нашем классе лучшая по математике. Нас всего восемь, так что учитель может подстроиться под каждого.

Обычно мне нравится иметь дело с числами, но не сегодня. То ли бессонная ночь тому виной, то ли утренние события, но сосредоточиться очень сложно. В результате, когда отдаю листик учителю и он вчитывается, выясняется, что три примера из семи я решила неправильно. Учитель качает головой и отдает лист обратно – теперь нужно понять, в чем я ошиблась, и попробовать исправить.

Проверяю и понимаю, что решала я все верно, только почему-то не смогла правильно переписать цифру из одной строчки в другую - прибавила, вместо того чтобы отнять, и неверно записала ответ. Такие глупые ошибки! Наверное, учитель думает, что слишком меня переоценил, когда дал такие сложные задания. Как я могла? Как такая невнимательная дура, как я, может надеяться куда-то поступить? Почему не перепроверила? А если и во время экзаменов будет так же? Это хорошо, что ар Дарнэм дал мне шанс исправиться, а если бы на его месте был кто-то незнакомый? В деревне я, конечно, не останусь, но если все продолжится в том же духе, максимум кем я смогу устроиться работать – подавальщицей или прислугой.

Через несколько минут приношу исправленный вариант учителю, и он произносит:

- Хорошо! На дом упражнения пятьдесят один и пятьдесят три, а так же пятьдесят семь, если хочется чего-то посложнее. Можешь начать делать здесь.

- Высочка! – доносится недовольная реплика со стороны Таэты. – Вечно больше всех надо!

Учитель призывает к тишине, а я выпрямляю спину и делаю вид, что не слышала. Переписываю задачи в тетрадь, поскольку домой книги нам не дают, а затем приступаю к решению.

Йон осторожно толкает меня локтем и показывает глазами на свою тетрадку. Переписываю его пример в черновик, решаю, а затем кладу так, чтобы ему было видно, и возвращаюсь к своим заданиям.

Через пятнадцать минут учитель встает со своего места:

- Первый урок окончен! Ойт, собери, пожалуйста, тетради.

Собирать тетради всегда было привилегией самых младших, поэтому наш одноклассник, которому всего семь лет, радостно вскакивает со своего места и выполняет просьбу. Выглядит настолько важным, что кажется забавным. Раньше это делали близняшки Марика и Морен, которым в этом году исполнилось тринадцать, а теперь эта честь перешла новенькому.

Ар Дарнэм забирает тетради и скрывается в своем кабинете, а мы достаем перекусы. Те, кто победнее – все кроме Йона и Таэты -бутерброды с сыром. Таэта выуживает коробочку, в которой оказываются тоненькие блинчики с начинкой из творога. В том, чтобы быть богатой, иметь слуг и стазисный шкаф, есть свои плюсы.

Йон достает свои бутерброды, привычно забирает мои, а затем собирает многослойную конструкцию: хлеб, сыр, хлеб, ветчина, кружочки соленых огурцов и последним слоем снова хлеб. Один бутерброд оставляет себе, а второй протягивает мне. Утверждает, что наш домашний сыр лучший, а брат, ничего не отдавая взамен, нехорошо, вот и предложил делить все пополам. Я, конечно же, не смогла отказаться – ветчина в нашем доме появляется только по праздникам.

После перерыва учитель раздает всем, кроме меня, Йона и Таэты, задания по правописанию, а с нами начинает урок истории. Видимо, чтобы казаться взрослее и серьезнее, он сурово сдвигает свои брови, но это не особенно помогает – светло-пепельная челка так и норовит упасть на глаза, отчего он постоянно ее поправляет, и вся его солидность теряется.

- Таэта, расскажите, будьте добры, какие реформы ввел Кристоф Второй в период своего правления.

- Эээ... - Таэта прикусывает губу и слегка краснеет.

- Йон?

- Реформа налогообложения ремесленников? – неуверенно спрашивает тот.

- Это вы у меня интересуетесь? – саркастически усмехается ар Дарнэм. – Ваше предположение верное. Но, возможно, вы будете так любезны и поясните, в чем именно заключалась эта реформа? И, Лия - не смейте подсказывать!

Виновато смотрю на Йона, а он выдает загадочное «нуууу», и на этом его познания заканчиваются.

- Ладно, Лия, можете ответить, - вздыхает учитель.

- Реформа налогообложения ремесленников была проведена двести тридцать лет назад и заключалась в том, чтобы первые три года с момента начала самостоятельной работы ремесленники не подвергались сбору налогов. А так же при появлении ребенка можно было не платить налоги в течение полугода.

- Хорошо, Лия, - довольно кивает ар Дарнэм, и, кажется, я даже замечаю легкую улыбку.
- Хотя кто-то тут учится, а не бесцельно просиживает штаны.

- Выходка! Вечно ей больше всех надо! – Таэта старается произнести это ровно настолько громко, чтобы не получить предупреждение, но при этом я бы точно расслышала ее слова.

Учитель произносит:

- Давайте запишем новую тему: «Внешняя политика во времена Кристофа Второго».
Итак...

Остальную часть урока мы пишем под диктовку так много, что когда он наконец-то заканчивается, у нас троих вырывается облегченный выдох.

На следующем уроке история у близнецов и подружек Таэты, а нам достается правописание. Переписываем с листа предложения и вставляем в них пропущенные буквы или запятые.

Из-за моей сегодняшней рассеянности делаю целых две описки. Начинаю паниковать – учитель наверняка снизит оценку. Как будто мне математики было мало, а тут еще и это! Почему я не могу ничего сделать нормально с первого раза? Почему я такая неумеха и неудачница? Надо постараться сосредоточиться.

Записываем правила, которые нужно будет выучить к следующему уроку, а также темы для сочинений. Мне достается «Мои любимые летние занятия», и это совсем не радует. Не думаю, что добью хотя бы до минимального объема в полстраницы.

После окончания занятий учитель выставляет всем оценки в дневник и просит меня подождать. Отпустив остальных, он протягивает мне книгу:

- Держите! Она о путешествии по пустыне. Можете вернуть, после того как дочитаете.

Прижимаю потрепанный томик к груди и восторженно произношу:

- Спасибо! Огромное спасибо!

Учитель улыбается, отчего в уголках его светло-голубых глаз появляются морщинки:

- Не за что. Идите.

Прячу сокровище в сумку и бегу догонять Йона, который, как обычно, не стал меня дожидаться и ушел вперед.

Правнявшись с ним, радостно улыбаюсь:

- Он мне книгу дал, представляешь?! Про пустыню!

- И что? - кривится парень. – Дал и дал. Че радуешься? Можно подумать, что ты книг никогда раньше не видела.

- Я видела, но... Да ну тебя! Тебе хорошо – у вас дома целая библиотека есть. Сколько хочешь, столько и читай, а у меня...

- Вот и брала бы книги в моей библиотеке.

- Неудобно как-то. Мне кажется, что твои родители меня недолюбливают. Да и стесняюсь я.

- То есть, у него ты книги брать не стесняешься, а у меня – да?

- Но Йон... - беспомощно произношу я. – Чего ты завелся? Возьму я у тебя книгу. На выходных приду и возьму.

- Ладно, - благодушно кивает парень. – Договорились.

Когда доходим до тропинки, которая сворачивает вбок и огибает озеро на некотором расстоянии, нерешительно спрашиваю:

- А можно мы по тропинке обратно вернемся? Я понимаю, что так дольше и по дороге удобнее, но...

- Как хочешь, - прерывает мой невнятный лепет Йон. – Хочешь по тропинке – значит, по тропинке.

- Спасибо!

Тропинка узкая, отчего приходится идти, почти соприкасаясь плечами. Чувствую волнение и трепет. Слишком уж Йон близко – достаточно чуть протянуть руку, и смогу до него дотронуться. А если это случайно выйдет? Ох! И хочется, и страшно. После того как тропа расширяется, потихоньку увеличиваю дистанцию. Но стоит отдалиться на приемлемое для меня расстояние, Йон снова его сокращает. Хочется попросить отойти подальше, но не могу придумать, как бы объяснить почему. Сказать, что мое сердце начинает биться слишком часто и ладони потеют от переживаний? Не хочется, чтобы он посмеялся, поэтому терплю.

Интересно, какой будет его девушка? Наверняка высокой и стройной. Явно не такой мелкой, как я – в классе ниже меня только Ойт и Марика, а они гораздо младше. Хорошо Таэте – всего на полголовы ниже Йона, и благодаря этому кажется изящной. Не то, что я. Интересно, после шестнадцати можно вырасти, или я навсегда останусь коротышкой? Да и волосы у меня скучного черного цвета. Нет, чтобы как у Раины – пшеничные, или как у Сии – рыжие. Интересно, а можно их как-то перекрасить?

Парень, как обычно, вызывается проводить меня до дома. Я не возражаю – рада любой возможности побыть с ним подольше. А еще, когда мы заходим с ним вдвоем, чтобы забрать моих братьев, бабка язык не распускает. Сплошные плюсы.

Дома топлю печь, а сама сажусь за уроки. Когда огонь прогорает, засыпаю в чугунок крупу, заливаю ее водой и сдабриваю салом – к приходу родителей ужин будет готов.

Слышу мычание и бегом подхватываюсь отпирать ворота на скотный двор. Затем выхожу за забор высматривать нашу Марену. Пастух доводит животных лишь до улиц, где они обитают, а дальше только от хозяйки зависит: выйдет она вовремя встретить свою корову, или та добредет до конца улицы и утопает в неизвестном направлении. Марена неспешно доходит до ворот и заворачивает во двор. Запираю за ней и провожаю ее в загон.

Перемещаюсь с учебниками и тетрадками в спальню за небольшой стол, отведенный мне для уроков, чтобы поменьше попадать на глаза остальным.

Через пару часов слышу радостный голос матери:

- Рой, Дан! Вы ж мои хорошие! Как прошел ваш день?

Братья что-то лепечут в ответ, а я продолжаю заниматься уроками. Мать чем-то шебуршит и гремит на кухне, а затем выходит во двор. Наверное, пошла обиходить хозяйство.

Математика и история дались мне легко, а вот с сочинением «Мои любимые летние занятия», как я и предвидела, оказалось не все так просто. О том, что самое мое любимое занятие – смотреть, как Йон рисует, общаться с ним, вместе ходить в школу и сидеть рядом, я написать не могу. Нет, могу, конечно. Но не могу. Кроме этого я люблю читать. Но это не летнее занятие. Что еще?.. Пожалуй, все. Пытаюсь отыскать что-то еще. Чем я еще летом занимаюсь? Пропалываю огород и собираю все, что на нем вырастает. Не годится – одна из причин, почему я хочу жить в городе, заключается в отсутствии там огородов. А еще в наличии туалетов, которые находятся внутри дома, и не нужно переживать, как успеть добежать. А еще там горячая вода есть. Из крана на кухне, а не как у нас – добытая из колодца и нагретая в печи. Что-то я отвлеклась...

Внезапно меня осеняет! Я ведь не обязана писать правду. Можно просто предположить, что бы могло подойти, и написать про это. Тогда напишу про купание, любование цветами и травами, собирание ягод и грибов. Наверное, если бы меня не ругали за недостаточно полную корзину, я бы тоже любила собирать ягоды и грибы. Хотя, с другой стороны, это все же неплохая возможность улизнуть из дома, так же как и рыбалка. Хотя к озеру мне пока лучше, наверное, не приближаться... Не о том думаю. Рыбалку тоже добавлю.

В результате к моменту, когда домой возвращается отчим, а мать накрывает стол и зовет всех ужинать, сочинение готово.

Мы ждем, пока усядутся близнецы и отчим отправит в рот первую ложку, а потом приступаем к еде. Мать рассказывает мужу сплетни о девушке из соседней деревни, а он делает вид, что слушает. Хотя мне кажется, что слушатели ей и не особо нужны – важнее возможность поделиться новостью. В очередной раз недоумеваю, почему ее так волнуют люди, которых она, может, пару раз всего и видела. Пытаюсь понять, но не получается.

После ужина расходимся по своим делам: мать садится взбивать масло, отец отправляется во двор подлатать дыру в заборе, братья – играть в догонялки, а я возвращаюсь к урокам. Вроде бы все сделала, но все-таки не мешает повторить то, что задавали на завтра – этикет и сказания о Богах.

Когда повторять больше нечего, сажусь на кровать и, прикрыв книгу тетрадкой, знакомлюсь с историей про пустыню – если мама поймет, что я сейчас занята не учебной, заставит делать что-то по дому, а мне бы этого очень не хотелось.

Услышав, что близнецы вернулись с улицы, спешно прячу книгу в сумку – если увидят, то обязательно донесут матери.

Перед сном думаю о том, что где-то там есть другие города и страны, а я всего-то и видела что нашу деревню, пару соседних и небольшой городок, в который меня дважды брал с собой Йон – ему моя мать отказать не смеет, все-таки именно его отец обеспечивает нашу семью работой. Не хочу повторять путь моей матери. Быстрее бы закончить школу и уехать в город!

Потом мои мысли соскальзывают на то, что последние дни со мной происходят очень странные вещи. Сперва это пробуждение на кладбище, потом страшные голоса. Есть ли шанс, что все закончится так же внезапно, как и началось? Может, я просто заболела или навряд ли того, а завтра проснусь, и все останется всего лишь странным сном? Очень хочется верить, что да.

Глава 2

Утром подхватываюсь еще до будильника. Всю ночь мне снилось, будто хожу по кладбищу и пытаюсь что-то там найти, так что первым делом осматриваю свои ноги. Облегченно выдыхаю – чистые. На этот раз это был всего лишь сон.

Мать с отчимом собираются на работу – слышу, как они ходят по кухне и негромко переговариваются. Пересекаться с ними желания нет, так что выуживаю из сумки книгу и тихонько погружаюсь в чтение. Автор уже успел рассказать о том, что будет путешествовать с караваном и каким образом этот караван нашел, а теперь он приступает к закупке припасов в дорогу. Хорошо, когда есть деньги – если появляется желание побывать в пустыне, просто берешь и делаешь это.

После того, как родители уходят, немного выжидаю и бегу в туалет. А потом решаю, что раз уж я проснулась раньше будильника, значит, ничего плохого не случится, если использую это время для собственного удовольствия и немного почитаю.

Когда будильник все-таки звенит, с сожалением прячу книгу в сумку и натягиваю платье. Снова повторяется то же самое, что и каждое утро – бегу в хлев доить корову, кормлю собаку, выгоняю корову к стаду и возвращаюсь в дом, где растапливаю печь и убираюсь. Кормлю свинью, затем кур. Заношу яйца в дом, а потом четыре из них перекладываю в миску и иду к бабе Мане.

Когда подхожу к ее калитке, меня прошибает – я же вчера в этом доме слышала голос. А вдруг он и сегодня там будет? Покрываюсь мурашками. На то, чтобы открыть щелчку и зайти во двор, требуется собрать все свое мужество. Каждый следующий шаг дается с трудом и все во мне этому противится.

Помощь приходит с неожиданной стороны в виде козы – пользуясь моей невнимательностью, она подкрадывается с тыла, издает радостное блеяние и начинает нестись наперерез. Это придает мне как решительности, так и живости. Сама не замечая, как захопываю за собой дверь сенцев.

Проверяю яйца – все целы. Видимо, сказывается трехлетний опыт взаимодействия с этим пакостным животным – что бы я ни делала, но тарелку буду держать максимально осторожно. Перевожу дыхание, стучусь и вхожу внутрь дома.

Поздоровавшись с бабой Маней, ставлю яйца на стол. Выслушиваю ее благодарность и уже поворачиваюсь уходить, как снова слышу мужской голос: «Достань! Достань его! Он тут!». Вздрагиваю, страх накрывает такой сильной волной, что бросаюсь прочь почти ничего не сообщая, и последующие события проходят словно мимо моего сознания.

Вот я выскакиваю во двор, где замечая неподалеку радостную козу. Вот она кидается на меня с воинственным кличем. Резко делаю делаю шаг в сторону, пропуская животину в незакрытые сенцы и запираю там. Вот я, примчавшись почти бегом домой, закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Меня пронизывает страх. Сердце судорожно пульсирует где-то в горле, и кажется, будто еще немного и оно, не выдержав нагрузки, прекратит биться. Становится зябко. Обхватываю себя дрожащими руками в попытке согреться. Это не помогает. Появляется ком в горле, который мешает полностью вдохнуть. Чувствую, как мне перестает хватать воздуха. Ноги подкашиваются, и я опускаюсь на пол. Начинает казаться, будто на этом все и закончится. Что прямо здесь и сейчас я умру...

Внезапно из нашей общей спальни выходит Рой, который просит:

– Отойди! Я в туалет хочу!

Это заставляет меня сделать над собой усилие и подняться. Подхожу к умывальнику, набираю в ладони холодной воды и умываюсь. Но прийти в себя помогает даже не это, а

чувство, что я не могу определить, сколько времени провела, сидя на полу. Иду в спальню и проверяю. К моему облегчению, если я потороплюсь, то все еще могу не опоздать. Бужу Дана, помогаю ему одеться, чтобы было побыстрее, и отправляю в туалет.

Жарить что-либо времени нет, так что перемешиваю творог с малиновым вареньем, раскладываю по тарелкам, добавляю по ломтю хлеба и стакану молока, и мы завтракаем. Думаю о том, что, видимо, схожу с ума. Я снова услышала этот голос! Снова! Баба Маня хоть и стара, но слух у нее отменный – оба раза бы отреагировала, если бы слышала то же, что и я. Да и спрятать мужчину в комнате негде. К тому же, в деревне невозможно никого утаить, здесь сплетни – любимое развлечение, поэтому все шпионят за всеми! Если бы приехал кто-то новый, мать бы нам уже все уши об этом прожужжала.

Почему это со мной происходит? За что? Чем я это заслужила? Может, именно так и сходят с ума?

Йон уже дожидается на улице. Мы отводим мальчишек к их бабке и отправляемся в школу. Парень пытается меня растормошить, но у него не получается. В конце концов, он оставляет меня в покое.

Когда подходим к тропинке, по которой можно обойти озеро, нерешительно прошу:

- Может, пойдем сядой?

- Еще роса не спала... - начинает произносить Йон, но потом всматривается в мое лицо и бодро заканчивает: - Хочешь по тропинке – пойдем по тропинке.

- Спасибо, - слабо улыбаюсь я.

- Я вижу, что с тобой что-то происходит. Хочу, чтобы ты знала, я всегда готов тебя выслушать и всегда буду на твоей стороне. Ты ведь это знаешь?

- Конечно, знаю.

- Хорошо. Как только будешь готова мне все рассказать...

- Спасибо, Йон, - перебиваю я.

Он пожимает плечами и больше ничего не произносит.

Весь путь до школы пытаюсь припомнить, встречала ли я описание странностей, похожих на мои, где-то раньше, но память буксует. Жаль, что наша школьная библиотека состоит всего из одного небольшого стеллажа, на котором лишь учебники, несколько сборников сказок и автобиографии значимых для истории персон. Может, в библиотеке дома у Йона найдется что-то нужное? Но раньше выходных туда попасть не получится – если не заберу вовремя близнецов, бабка нажалуется матери, и мне влетит.

После первого урока к Йону подходит Таэта и важно произносит:

- Мои родители организуют в субботу посиделки – накроют нам стол в саду. Соберемся с ребятами и пообщаемся, песни попоем, страшилки порассказываем. Пойдешь?

- А ты всех приглашаешь или только меня? – интересуется Йон.

Таэта бросает на меня злобный взгляд и сквозь зубы цедит:

- Всех.

- Ты пойдешь? – поворачивается ко мне Йон.

Мысли начинают лихорадочно метаться. Предложение очень заманчивое – после каждой посиделки еще недели две обсуждают, что интересного на них произошло. Очень бы хотелось пойти... но мать меня еще ни разу не отпускала. А вдруг в этот раз она наконец-то отпустит? Хотелось бы, но это маловероятно. А если я сейчас скажу, что не приду, а мать все-таки разрешит?

- Лия? – прерывает мои размышления Йон.

- Я пока не знаю. Может и пойду.

- Тогда я тоже пока не знаю, - Йон обаятельно улыбается Таэте, отчего щеки той слегка краснеют.

- Буду ждать, - быстро произносит она и возвращается на свое место.

Во время занятий размышляю о том, что было бы разумно показаться лекарю или хотя бы травнику. Но ближайшие живут в городе, и если травник еще может посмотреть бесплатно, лекар так добр не будет. Мать на него денег явно не даст, да и вообще, лучше ей ничего не рассказывать – чего доброго действительно отправит в приют, а мне всего год дотерпеть осталось, и я смогу уехать из дома уже как молодой взрослый.

Но даже если каким-то образом раздобуду денег, все равно остается вопрос, как добраться до города.

Один из работников поместья отца Йона в выходные возит туда молоко, масло, сметану и прочие молочные продукты, но он берет с собой всего пару человек, и у него на несколько недель вперед расписана очередь. К тому же, он наверняка спросит, зачем мне туда нужно. Про травника я ему рассказать не смогу – если узнает, попретса вместе со мной, чтобы потом было о чем посплетничать. А если совру, что нужно что-то купить, он расскажет об этом матери, и у нее наверняка появятся ко мне неприятные вопросы. Можно, конечно, до тракта дойти пешком, а потом надеяться, что кто-то подвезет, но это плохой план – местность у нас не особенно оживленная, так что можно никого и не встретить, а караванщики незнакомцев на дороге не подбирают из опасения, что те засланы бандитами.

А что если травник скажет, что я действительно сошла с ума? Наверняка, чтобы вылечить такое, нужно много денег. Может, я смогу их заработать, если после окончания школы устроюсь на работу? Гораздо вероятнее, что просто закончу так же, как те слабоумные и бродяги, которые просят милостыню и спят под заборами. Не уверена, что получится долго скрывать свое состояние. Или получится?

Возвращаемся из школы снова по тропинке. Жду, что Йон возобновит расспросы, но он этого не делает, хоть и выглядит задумчивым.

Мать сегодня вернулась пораньше, и когда мы с детьми открываем дверь, нас встречают аппетитные запахи. Чувствую облегчение оттого, что можно сегодня не готовить и пораньше сесть за уроки.

Мать радостно приветствует близнецов, расспрашивает их, чем они сегодня занимались, и обещает налепить к вечеру пирожков с вареньем. Мелкие этому очень рады – такая вкуснятина бывает у нас не часто.

Кажется, будто у матери сегодня очень хорошее настроение, поэтому посомневавшись, все-таки решаюсь подойти к ней и задать вопрос:

- Мам, у Таэты в субботу будут посиделки. Можно мне пойти?

Ее глаза вспыхивают:

- Какие еще посиделки?! Ты еще слишком мала для этого!

- Но... - едва слово вылетает, понимаю, что только что совершила серьезную ошибку.

Оказываюсь права - мать переходит на крик:

- Никаких но! Еще не хватало, чтобы ты по парням шастать начала в твоём-то возрасте! Оглянуться не успею, как уже в подоле принесешь! Нет уж! Вот вырастешь, в свой дом жить уйдешь, и делай что хочешь! А пока ты тут – не бывать этому! Никакого разврата под моей крышей! Ишь чего удумала, дрянь! – она откидывает крышку одного из сундуков и швыряет в меня несколько носков. - Если так много свободного времени, возьми вон носки лучше заштопай! И угораздили меня Боги такую лентяйку родить! Все бы тебе веселиться!

Она продолжает свою речь, а я смиренно стою и смотрю в пол, чтобы не показать, насколько же меня злят ее слова. Стараюсь пропускать их мимо ушей, но не всегда получается. Молчу, наученная горьким опытом – стоит сказать хоть слово поперек, можно не только затрепину схлопотать, но и орать мать будет гораздо дольше.

Молчу, хотя хочется ей ответить, что я вовсе не лентяйка – и учусь хорошо, и по дому помогаю. Хочется ей ответить, что не просила меня рожать, и не виновата в том, что она это сделала. Что если она не хотела меня растить, нужно было после смерти бабушки сдать в приют,

а не забирать к себе. Мне кажется, что единственная причина, по которой мать меня не отдала – побоялась осуждения знакомых. Если то, что она меня оставила у бабушки, начав жить с новым мужем, еще как-то могли принять, приют точно бы не одобрили.

Было время, когда я размышляла, где мне будет лучше – здесь или в приюте. Тяжело жить в семье, в которой чувствуешь себя лишней никому не нужной обузой. В приюте я бы понимала, почему меня никто не любит, а тут...

От того, чтобы все-таки попроситься в приют, меня остановили слухи о том, будто там каждый сам за себя и часто бьют более слабых. Да и сложно решиться изменить что-то пусть и плохое, но привычное, на полную неизвестность. Но, наверное, даже не это перевесило чашу весов – учитель закончил с высокими баллами столичную Академию и прозябает в нашей дыре только благодаря деньгам отца Йона, а вот как будет с обучением в приюте – большой вопрос. Конечно, лучше было бы не полагаться на слухи, а поговорить с кем-то, кто там был, но в ближайших деревнях таких нет, а как найти иначе, я не знаю. Может, и правда, мне бы там лучше было, и зря я на это не решилась? Теперь уже поздно узнавать.

Мать, наконец, заканчивает свой монолог и приказывает:

- Марш к себе! И чтобы носки до завтра были заштопаны!

Молча собираю носки с пола и ухожу в комнату. Достая из прикроватной тумбочки иголку с ниткой и принимаюсь за работу. Если она сказала, что все должно быть сделано сегодня, лучше так и поступить, иначе мне снова придется выслушивать ее крики. К тому же, лучше это сделать сейчас, пока еще света хватает.

Штопаю и чувствую, как к глазам начинают подступать слезы, а обида шевелится с новой силой.

Я ведь не просила о многом – всего лишь разрешить один вечер повеселиться. Но даже этого мне нельзя.

По щеке скатывается слезинка и это отрезвляет – жалость к себе бессмысленна. Если всякая ерунда начала приходить в голову, лучше заняться чем-то более полезным – например, вызубрить правила правописания или даты по истории. Останавливаюсь на последнем. Кладу тетрадку рядом с собой так, чтобы ее видеть, и начинаю совмещать полезное с полезным.

К моменту, как мать зовет ужинать, остается заштопать только один носок.

Ждем, пока отчим съест первую ложку, а потом приступаем к еде.

К этому времени мать вновь вернулась в благодушное настроение и во время ужина она выглядит очень оживленной: расспрашивает детей, чем их кормит бабушка; рассказывает, что одна из коров захромала и прочую ерунду. Отчим важно кивает и иногда вставляет короткие реплики, дети ведут себя эмоционально и сыплют вопросами, а я молчу.

Мне кажется, что сейчас нахожусь здесь, но в то же время меня словно нет. Ко мне никто не обращается, на меня никто не смотрит. Словно я невидимая. Иногда хочется перевернуть тарелку, опрокинуть стул, издать какой-то громкий звук. Хочется, но никогда не осмелюсь – не тянет лишний раз видеть неприязнь и выслушивать ругань.

Думаю о том, почему к близнецам она хорошо относится, а ко мне – нет. Что со мной не так? Чем я это заслужила? Можно бы было подумать, что я не ее ребенок, но бабушка рассказывала слишком часто о том, как мать мной забеременела и как пыталась оставить на пороге дома отца на второй день после моего рождения, и если бы не бабушка – оставила бы. Такое нарочно не придумается.

Доедаю и тихонько ухожу из-за стола – мне еще штопку закончить нужно, а потом уроки сделать.

Беру в руки шитье и чувствую, что глаза снова на мокром месте. Что-то я сегодня совсем расклеилась – давно со мной такого не было. Думала, что все уже давно отболело, но...

Внезапно слышу тихое: «Ты хорошая девочка. Не грусти. Не слушай ее – она это не со зла».

Слезы мгновенно высыхают. Страх сковывает так сильно, что не могу заставить себя пошевелиться. Тревожно прислушиваюсь – не раздастся ли голос снова? По прошествии нескольких минут начинаю успокаивать себя тем, что мне послышалось. Что не было ничего. Показалось. Это, как ни странно, помогает. Постепенно оцепенение проходит, и я возвращаюсь к штопке. Очень хочется, чтобы весь этот день оказался всего лишь страшным кошмаром. Жаль, что это невозможно.

Сон сегодня не идет. Размышляю, как бы мне заработать денег. Иногда к нам в деревню заезжают скупщики за грибами, ягодами, теплыми носками, резными деревянными ложками, дарами сада и огорода, но мне нечего им предложить.

Если я продам что-то из нашего огорода, мать это, мягко говоря, не одобрит.

Чтобы вязать, нужны нитки, а их у меня нет. Те, что остались после бабушки, я уже давно использовала, а новые мне никто не купит – мать сама вязать не умеет, а носками, шапками, шарфами и прочими варежками нас снабжает мать отчима.

Могла бы насобирать грибов, но где бы я их хранила? Если в нашем погребе, то мать сперва наорет за то, что я не рассказала, а потом начнет расспрашивать. Если признаться, что на продажу, она начнет выпытывать, зачем это мне деньги, а признаться ей я не смогу.

А вдруг я теперь постоянно буду слышать голоса? Что если это продолжится и дальше? Смогу ли я продержаться еще год? Они вроде мне вреда никакого не чинят, но есть в них что-то настолько жуткое, что волосы встают дыбом и невозможно не бояться. Не уверена, что получится контролировать страх.

Пока единственное перспективное направление – попробовать все-таки в выходные попасть в библиотеку родителей Йона. Насколько я помню, там очень много книг. Неужели хотя бы в одной не смогу найти что-то про свой случай?.. Так не люблю туда ходить! Кажется, будто все – начиная от матери Йона и заканчивая служанками – смотрят на меня так, словно я какое-то гадкое насекомое, которому тут не место. Но я сейчас не в той ситуации, чтобы привередничать – как-нибудь перетерплю.

Может, стоит рассказать Йону правду? Так хочется, чтобы был хоть кто-то, с кем я могу это обсудить и поделиться своими страхами. Но, а вдруг он мне не поверит? Вдруг подумает, что я свихнулась, и перестанет со мной общаться? Это было бы ужасно! Лучше не рисковать. Нет, Йону я ничего не расскажу.

Глава 3

Открываю глаза и вижу перед собой отражение луны на зыбкой водной глади. Смотрю вниз, и мои ощущения подтверждаются - стою по щиколотку в теплой воде. Почему я здесь? Это сон? Что происходит?

Озадаченно осматриваюсь по сторонам и внезапно чувствую болезненный укус в области плеча. Машинально бью ладонью по этому месту, а потом рассматриваю трупик комара и пятно крови. Слишком больно для сна. Слишком реалистично. Как проверить, по-настоящему ли то, что сейчас происходит?

Подбираю подол ночной рубашки, опускаюсь на корточки и умываю лицо – вода теплая и мокрая. Именно такая, какая и должна быть после теплого летнего дня. Слышится звон комаров, плеск воды, шорох листьев. Кожа слегка холодит ночным воздухом.

Чувствую укус очередного комара и окончательно осознаю, что это - не сон. Накрывает паникой. Как я здесь оказалась? Что происходит? Зачем я здесь? А вдруг кто-то заметит, что меня нет дома? Нужно срочно вернуться! Становится страшно, но я приказываю себе не обращать на это внимания и сделать, что должна. Позже. Все остальное позже. Попаникую и пореву после того, как вернусь домой. Сейчас главное - добраться до этого самого дома как можно быстрее.

Внимательно, насколько это возможно при лунном свете, осматриваюсь вокруг и узнаю место, в котором оказалась – самый близкий к деревне берег озера. Если пройти чуть правее, можно попасть на тропинку, которая приведет к полю. А дальше останется двигаться вдоль его кромки и молиться, чтобы я оказалась единственной, кому не спится ночью.

Делаю шаг, второй и ощущаю резкую боль в ступне. Решаю просто на нее не наступать и осмотреть после возвращения домой. Хочется побыстрее отсюда убираться.

Удачно подбираю толстую палку и, используя ее в качестве дополнительной опоры, ступаю на тропу.

Больше всего сейчас боюсь услышать какой-нибудь голос. Это и днем довольно страшно, а сейчас я и без этого готова шарахаться от каждого шума и шороха. А уж если услышу голос...

Уже через несколько минут становится зябко от ночного ветерка – если бы могла, пошла бы быстрее, чтобы согреться, но не могу - и так иду на пределе возможностей.

У калитки своего дома останавливаюсь, прислушиваюсь и только после этого осторожно вхожу. Отмечаю про себя, что щекотка не закрыта. Это я оставила? Надеюсь, что так. Прячу палку в зарослях сирени и продолжаю осторожно пробираться дальше. Внезапно замираю – мне же нужно помыть ноги. Я же не могу с грязными лечь. Приходится отыскивать в темноте ковш, набирать воду из бочки с дождевой водой и аккуратно протирать ступни. Правую в одном месте пронизывает острой болью. Приходится стиснуть зубы, чтобы не вскрикнуть. После этого стараюсь быть осторожнее.

Прокрадываюсь в дом и иду в спальню, которую делю с мальчишками. Плотнo прикрываю дверь, подтыкаю ее снизу платьем, чтобы не осталось щелей, которые могут меня выдать, и включаю ночник.

Рана на ноге оказывается не такой страшной, как я себе нафантазировала – в ступне всего лишь застряла тонкая веточка, которую резко выдергиваю, после того как достаю из тумбочки бинты и антибактериальное средство. Из раны толчками вытекает кровь. Прижимаю кусок бинта и стискиваю зубы. Больно настолько, что покрываюсь липким потом. Но крик все-таки удается сдержать и в этот раз тоже.

Немного придя в себя и перестав дышать, словно загнанная лошадь, капаю на ранку несколько капель заживляющего зелья и облегченно выдыхаю – кровь перестает течь, а боль

начинает утихать. Ранка хоть и небольшая, но на всякий случай ее забинтовываю – к утру точно пройдет, а сейчас еще есть шанс разбередить.

Вытягиваюсь на кровати и смотрю в потолок. Пытаюсь осознать события этой ночи... и не получается. Больше всего хочется закрыть глаза, заткнуть уши, накрыться с головой одеялом и твердить: «Этого не было! Этого никогда не было! Я нормальная! Этого не было!»

До утра лежу без сна. Страх постепенно утихает и остается странное состояние, когда малейшее движение кажется слишком сложным, мысли вяло ворочаются в голове, и наблюдаю за ними словно со стороны, словно они и не мои вовсе.

Немного прихожу в себя, услышав тихие разговоры и возню из кухни. После того как мать и отчим уходят на работу, посещаю туалет и начинаю заниматься обычными делами. Но все через силу, словно каждый шаг и каждое движение сегодня требуют вдвое больших затрат энергии. Выбора нет – приходится стиснуть зубы и делать.

Мысли крутятся вокруг того, что это повторилось снова. Я снова ходила во сне. Почему озеро? Почему кладбище? Это можно списать на лунатизм? Даже если можно, остаются еще голоса, которые я объяснить не в силах. Что со мной происходит? Может, я проклята? От этих мыслей зябко.

Когда наступает время относить яйца бабе Мане, меня буквально начинает колотить. Понимаю, что просто не могу. Лихорадочно начинаю искать выход из ситуации, а когда получается это сделать, чувствую, словно с моих плеч упал неподъемный груз – я ведь не обязательно должна отдать их сейчас и не обязательно сама! Вполне могу попросить Йона.

После этого мне становится легче, и остальные рутинные дела проделываю веселее, хоть и немного переживаю о том, что Йон может сегодня за мной не зайти. Всегда заходит, но вдруг именно сегодня... А если откажет? Что я буду делать тогда? Гоню от себя эти мысли, но они возвращаются снова и снова.

Выйдя с детьми на улицу, облегченно выдыхаю – Йон пришел. Даже не припомню, когда была более рада его видеть.

Поздоровавшись, прошу:

- Йон, а ты мог бы занести сегодня бабе Мане яйца вместо меня?

- А почему ты не хочешь?

- А мог бы ты сам? – ухожу от ответа я.

- Ладно, - парень пожимает плечами и забирает у меня миску с яйцами. – Показывай, куда идти.

- Конечно! Только миску у нее не оставляй.

Чувствую себя такой счастливой, что даже выходит улыбнуться. После того, как за Йоном закрывается калитка, запоздало припоминаю, что забыла предупредить парня о козе. Начинаю переживать и выдыхаю только после того, как он выходит целый и невредимый. Оставляю миску у порога своего дома, мы отводим детей к бабке и отправляемся в школу.

Моя улыбка тускнеет. Только сейчас начинаю обращать внимание на то, чего почему-то не замечала раньше – ночью шел дождь. Видимо, начался после того, как я вернулась. Дорога сделана добротно и засыпана мелким щебнем, поэтому на ней луж не заметно, а вот как я не заметила лужи во дворе? Настолько сильно погрузилась в свои мысли? Наверное, так и есть.

Когда подходим к тропинке, по которой можно обойти озеро, вижу, что она залита водой, отчего стала совершенно непроходимой. До последнего надеялась на чудо, но его не произошло. Охватывает такое сильное отчаяние, что застываю, и меня начинает бить дрожь. Обхватываю себя руками, но это не помогает. Я не могу! Я просто не могу услышать тот голос снова!

Йон останавливается и обеспокоенно заглядывает мне в лицо:

- Лия, что с тобой?

Пытаюсь что-то ответить, но не могу – горло словно скрутило спазмом.

- Тебе холодно? Я могу как-то помочь? – не дождавшись ответа, он берет мои ладони и начинает их растирать.

Тепло его рук выводит меня из ступора. Начинаю всхлипывать. Все больше и больше, пока это не переходит в плач, а затем и рыдания. Пытаюсь остановиться, прекратить все это, но не могу. Просто не получается.

Йон прислоняет мой лоб к своему плечу и начинает что-то говорить успокаивающим тоном. От того, что он меня жалеет, почему-то становится еще хуже.

Через какое-то время слезы заканчиваются, а рыдания переходят во всхлипы.

В последний раз я так плакала в день смерти бабушки. Она была для меня самым близким человеком, и внезапно ее не стало. Я стояла и смотрела, как на крышку ее гроба падают комья земли, и до меня вдруг со всей ясностью дошло, что больше никогда не будет так, как прежде.

Воспоминания отрезвляют. До меня внезапно доходит, что я ревела в рубашку Йона. Отстраняюсь и виновато рассматриваю огромное мокрое пятно:

- Извини!

Он улыбается краешком губ:

- Это сейчас последнее, о чем тебе нужно переживать, - и уже с настойчивостью в голосе спрашивает: - Что у тебя случилось? Почему ты плакала? Ты должна мне рассказать!

Отворачиваюсь и прикусываю губу:

- Я не могу.

Он хватается за плечи, разворачивает к себе и жестко произносит:

- Лия! Не ври мне! Разве мы перестали быть друзьями? Что бы это ни было – скажи мне! Я всегда буду на твоей стороне!

Размышляю о том, что если он ошибается, а я ему откроюсь, все станет еще хуже. Хотя, похоже, на этот раз он настроен серьезно, и так просто не отстанет... Что же делать?

- Лия, - легонько трясет меня Йон, - ты должна мне сказать! Давай же!

И я уступаю. Не знаю, на что надеюсь - что он поверит и все станет лучше, или что не поверит и все станет еще хуже. Часть меня хочет погрузиться в черноту с головой и раствориться в ней, чтобы больше ничего не имело значения.

Поднимаю голову, чтобы видеть его лицо, и спокойно произношу:

- Я начала слышать голоса, которые никто кроме меня не слышит. А еще начала ходить во сне.

- Ты не хочешь идти по дороге из-за того, что слышала там голоса?

- Да.

- Получается, эти голоса тебя пугают?

- Да.

- А ты уверена, что услышишь голоса в том же месте?

Поколебавшись, произношу:

- Голос у озера я слышала только один раз, а в доме бабы Мани – дважды.

- Так! – хмурится Йон. – Мне ничего не понятно, кроме того, что на обсуждение твоей проблемы понадобится гораздо больше времени, чем у нас есть сейчас – у меня появилось очень много вопросов.

- Ты мне веришь? – с надеждой смотрю на него я.

- Конечно! А почему я не должен тебе верить? Давай так – я сейчас разуюсь и сандалии брошу в сумку, потом закатаю штанины, чтобы не намочить, ты сядешь ко мне на закорки, и я тебя понесу по тропинке. А на обратном пути из школы мы где-нибудь остановимся и все обсудим. Хорошо?

- Но тебе же будет тяжело!

- Лия, - рычит парень, - твой бараний вес я уж как-нибудь дотащу!

Пока он быстрым шагом идет по тропинке, думаю о том, что я, наверное, сейчас красная, как рак – слишком уж смущающая близость. Вроде бы и не ничего такого – руки он не распускает и ничего бестактного не говорит, да и в детстве я уже несколько раз путешествовала подобным образом (первый раз – когда меня за лодыжку больно ужалила неядовитая змея, второй – когда я порезала ступню об острый камень, еще раз – когда подвернула ногу), но в этот раз все иначе. В этот раз боль не отвлекает, и я могу прислониться щекой к большой теплой спине и вдыхать запах, который есть только у него одного – чего-то химического смешанного с яблочным ароматом. В этот раз я боюсь, что он почувствует, будто мое сердце стучит слишком часто. В этот раз обвиваю руками его шею и мечтаю, будто это настоящие объятия.

Йон идет быстро и аккуратно, ловко обходя потенциально скользкие места. Судя по дыханию, которое даже через десяток минут остается все таким же ровным, он совсем не врал насчет того, что я для него легкая. Пожалуй, впервые радуюсь тому, что такая мелкая и тощая.

Когда доходим до дороги, Йон присаживается на корточки, чтобы я слезла, и интересуется:

- Ты спрашивала у матери насчет приглашения Таэты? Она тебя отпустит?
- Не отпустит, - грустно вздыхаю я. – А ты пойдешь?
- Нет. Вы опять поругались?
- Ну... я не хочу об этом говорить.
- Ладно. Тогда не будем. Побежали?
- Ага!

Срываемся на бег и успеваем в школу буквально за несколько мгновений до начала занятия.

Чувствую себя не особенно хорошо. Не заболевшей, а какой-то вялой и апатичной. Сосредоточиться на уроках сложно настолько, что один раз даже умудряюсь не услышать вопрос учителя, и Йону приходится легонько пнуть меня под столом. Как результат – вместо обычного «отлично» по правописанию получаю «удовлетворительно». Это расстраивает – иногда мать в конце недели проверяет дневник и кривится даже на «хорошо», а уж что будет, когда увидит «удовлетворительно»... Лучше об этом не думать.

После завершения занятий, какое-то время идем по дороге, а затем Йон сворачивает в направлении знакомой нам поляны – много лет назад мы здесь нашли оставленный кем-то шалаш, в котором нам понравилось играть после школы. А потом умерла бабушка и мать потребовала, чтобы я прекратила шлаться где попало после школы и сразу же шла домой, и мы перестали сюда заглядывать.

Дойдя до шалаша, который на удивление сохранился ровно в таком же виде, каком я его запомнила, Йон пропускает меня вперед. Залажу внутрь и занимаю треть свободного пространства, хотя раньше мне и уголка хватало. Парень садится напротив, отчего наши колени почти соприкасаются. Становится неловко.

Йон прерывает молчание первым:

- Рассказывай!
- Что рассказывать? – угрюмо спрашиваю я.
- Как и когда это началось? Я имею в виду странные события.
- А ты не будешь смеяться?
- Лия! Я не буду смеяться! Прекрати увиливать!

Вздыхаю:

- Несколько дней назад посреди ночи я проснулась на кладбище. Я стояла на коленях и, по-видимому, пыталась руками рыть могилу.

- Ты проснулась сама или тебя разбудили?

Беспомощно развожу руками:

- Не знаю.

- Что было дальше?
- Я вернулась домой. Помылась и переоделась в домашнюю одежду, а после ухода родителей постирала ночную рубашку.
- Получается, ты была босиком и в ночной рубашке?
- Ага, - вздыхаю я. – Вторым странным событием можно считать то, когда я впервые услышала голос.
- погоди! – прерывает меня парень. – Я лучше все запишу.
- Он роется в сумке, затем выуживает из нее ручку и черновик, что-то пишет, потом командует:
- Дальше!
- Голос я услышала в доме бабы Мани. Испугалась и убежала.
- А что голос?
- А что он?
- Что и как говорил? Он был мужской или женский?
- Определенно мужской! Говорил что-то типа «оно там».
- Что оно? – деловито интересуется парень.
- Он не сказал... Не знаю. Я его услышала и в следующий раз, когда туда пошла. И он говорил примерно то же самое, что и в первый раз.
- Ты поэтому просила меня занести яйца?
- Да. А еще я услышала женский голос, когда мы проходили мимо озера. Она сперва кричала «помогите» и так реалистично... А потом в ее голосе появились жалобные нотки, и она говорила... «Тут холодно»? Не могу вспомнить. Я так испугалась!
- Я заметил, - усмехается Йон.
- Сегодня ночью проснулась у озера. Вернее, в нем – по щиколотку в воду зашла. Голосов после пробуждения не слышала. И снова в ночной рубашке и босиком.
- Это все?
- Вроде да. Нет! Я не уверена, что мне не показалось. В общем, я вчера у себя в комнате услышала женский голос, который говорил, что мама не со зла. Но он был тихий такой... и больше ничего не сказал. Может и почудилось.
- Но на всякий случай запишу.
- Пожимаю плечами:
- Как знаешь.
- Припомни, пожалуйста, случалось ли что-то необычное перед тем, как ты проснулась на кладбище? Может, ела что-то непривычное? Или видела кого-то нового? Не знаю даже... Что-то, что выбивалось из привычного дня.
- У меня была высокая температура, поэтому я весь день провела в постели.
- А вчера было что-то необычное?
- Только голоса.
- И ты была здорова. Хм, - он задумчиво кусает губы, - расскажи мне, пожалуйста, события того дня по порядку.
- Зачем тебе?
- Пока не знаю, но лучше начать записывать все странности уже сейчас – а вдруг мы сможем найти что-то, что послужило их причиной, или установить закономерности? После первого случая был же день, когда ты всю ночь проспала в своей кровати и никуда не ходила.
- Пожимаю плечами:
- Ладно. Встала, убралась, поухаживала за хозяйством, разбудила и покормила братьев, потом мы вместе с тобой пошли в школу, потом я вернулась домой и... - замолкаю – очень уж не хочется рассказывать о ссоре с матерью.
- Лия!

Он смотрит так требовательно, что я сдаюсь:

- И я спросила, можно ли мне поучаствовать в посиделках. Потом мать на меня наорала и велела штопать носки, чем я и занималась большую часть вечера. Потом сделала уроки и отправилась спать.

- Давай теперь про голоса. Тот голос, который ты слышала в доме бабы Мани, он был один и тот же оба раза?

Пожимаю плечами:

- Я так испугалась, что не могу сказать точно, но, кажется, да.

- И эти голоса тебя пугают?

Охватываю себя за плечи:

- Очень!

- Но почему?

- Это сложно объяснить... Есть в них что-то такое... Они иногда говорят обычным тоном, а иногда проскальзывают очень жуткие интонации, от которых у меня волосы дыбом поднимаются.

- Получается, ты их слышала у бабы Мани, возле озера, и возможно, дома?

- Да.

- А место возле озера, у которого ты оказалась ночью, оно было примерно там же, где ты слышала голос?

- Не совсем. Я очнулась довольно далеко от дороги. Ты что-нибудь понял?

Йон пожимает плечами:

- Пока нет. Слишком мало информации. Но я слышал про лунатизм – люди в этом состоянии могут просыпаться ночью и делать разные вещи. Их не советуют будить, но в твоём случае, мне кажется, лучше будить – мало ли куда ты можешь уйти. А вдруг в чащу леса? Мало того что там легко заблудиться, так еще и на хищника напороться можешь, - увидев мои испуганные глаза, он начинает отнекиваться: - Нет, нет! Не пугайся! У нас очень безопасный лес! Я все это к тому, что лучше постараться сделать так, чтобы ты ночью не могла покинуть пределы дома.

- И как это устроить? Дверь и калитку мы ночью закрываем на щеколду, и она преградой для меня не стала.

- Было бы здорово, если бы мы точно знали, из-за чего ты проснулась, но можно попробовать перестраховаться – положи на пол мокрую тряпку. Или свяжи ноги веревкой.

- Звучит логично. Со связанными ногами далеко уйти я не смогу. А что насчет голосов?

Йон пожимает плечами:

- Давай для начала проверим, услышишь ли ты его снова у озера.

Зябко передергиваю плечами:

- Что нам это даст?

- Тогда мы можем быть уверены, что в одних и тех местах ты слышишь одни и те же голоса. А еще ты попробуешь заткнуть уши – а вдруг это поможет?

Соглашаться не хочется, но не обидится ли Йон, если я откажусь – он же помочь хочет? Вздохнув, принимаю решение:

- Хорошо.

- Тогда пойдем. Как только услышишь голос – сразу же мне скажи.

- Хорошо.

Сперва идем быстро, но ближе к месту, у которого я слышала голос, сбавляю шаг и прислушиваюсь. Примерно через минуту слышу женский крик вдали:

- Помогите! Кто-нибудь!

Останавливаюсь и, пытаясь скрыть дрожь, произношу:

- Я слышу.

Йон серьезно кивает:

- А я нет. Значит, это можешь услышать только ты. Сделай три шага назад.

Выполняю его распоряжение. Он нетерпеливо спрашивает:

- Ну как?

- Тихо.

- Сделай три шага вперед и закрой уши.

Все во мне этому противится, но все-таки выполняю указание и снова начинаю слышать, о чем и сообщаю Йону. Он кивает, и я отхожу на безопасную дистанцию. Чувствую, как между лопаток стекает капля пота.

- Ладно, - кивает своим мыслям Йон. – Мы установили, что голоса ты слышишь в одних и тех же местах даже несмотря на заткнутые уши. Давай немного вернемся назад – я знаю тропинку через лес, по которой можно обойти это место.

Покорно киваю и иду за парнем. Меня радует, что он не начал обвинять меня в сумасшествии или во лжи. Чувствую себя лучше благодаря тому, что смогла с кем-то разделить свое беспокойство.

- Может, завтра поищем в нашей библиотеке какие-нибудь полезные книги?

- Давай. Только тебе нужно меня отпросить, иначе мать не отпустит.

- Хорошо. Может, если она уже дома, я сейчас и попробую это сделать?

- Хорошо.

По Йоновой тропинке мы действительно обходим напугавший меня участок пути. И даже не совсем опаздываем – иногда учитель проводит дополнительный урок, и мы более-менее вписываемся в это время.

Забираем детей и идем домой, где выясняется, что матери еще нет. Йон предлагает:

- Давай я у тебя останусь. Подожду, а заодно домашкой позанимаемся.

- Но мне еще нужно печь растопить и кашу поставить.

- Я подожду, - он достает из сумки книгу по истории и садится за стол.

Пожимаю плечами – мое дело предупредить. Растапливаю печь, засыпаю в чугунок ингредиенты так, чтобы осталось только приготовить, и подсаживаюсь к Йону. Он протягивает мне учебник истории и просит:

- Почитай, пожалуйста, вслух. Я так лучше запоминаю.

Пожимаю плечами:

- Ладно.

Через полчаса возвращается мать. При виде ее Йон вскакивает и отвечает галантный поклон:

- Здравствуйте!

- Здравствуй, - настороженно произносит мать.

- А мы историю учили, - приветливо улыбается Йон. – Сложный параграф, поэтому я не мог отдать книгу Лие – самому нужна, вот и предложил подготовиться вместе. Мы как раз закончили. А еще мы начали изучать новую тему по «Сказаниям о Богах», и я не все моменты понимаю. Учителя отвлекать из-за подобного пустяка совестно, но, может быть, вы разрешите Лие после уроков пойти ко мне и помочь разобраться с этой темой?

- Ладно, пусть поможет, - кивает мать.

- Спасибо, - обаятельно улыбается парень. – Мне так неудобно!

- Что ты! Ничего страшного.

- Еще раз спасибо! Я тогда пойду.

Стоит ему собрать свои вещи и направиться к двери, мать тихонько шипит мне:

- Проводи его! Давай!

Срываюсь с места и выбегаю за Йоном. Нагоняю на пороге:

- Я провожу!

- Ладно, - улыбается он – наверняка ему сейчас смешно из-за того, что слышал слова матери.

Дойдя до калитки, Йон оборачивается и улыбается еще шире:

- Дальше я сам. До завтра, Лия.

- До завтра.

Вернувшись, обнаруживаю, что мать ушла. Ставлю кашу в печь, забираю сумку и иду в свою комнату. Вчера из-за штопки я не успела сделать все домашние задания на завтра – придется наверстывать.

Перед сном тайком расстилаю на полу пару мокрых тряпок, связываю себе ноги и надеюсь на то, что это поможет.

Глава 4

Из забытья меня вырывает привычно раздражающее дребезжание будильника. Выключаю его и сажусь на кровати. Напрасно я раньше не ценила такие простые радости, как проснуться в том же месте, что и заснуть – не в реке, не на кладбище, а в собственной постели. Если так произошло, значит, утро уже можно считать добрым.

Развязываю веревки и спускаю ноги с кровати, но, наступив на что-то мокрое и холодное, сразу отдергиваю. Совсем забыла о тряпках! Аккуратно собираю их с пола и на вытянутых руках отношу во двор. Там прополаскиваю и развешиваю на заборе в месте, где они не будут слишком бросаться в глаза. Возвратившись в свою комнату, переодеваюсь в платье и приступаю к обычной утренней рутине.

Самочувствие уже получше. То ли дело в том, что больше мне не нужно переживать весь этот ужас в одиночестве, то ли в том, что я наконец-то более-менее выпалась – не знаю. Но сегодня у меня чувство, что все не так уж плохо.

Закончив с утренними делами, беру яйца, закрываю дверь, прячу ключ и выхожу с близнецами на улицу. Вопреки обыкновению, Йона перед домом нет. Осматриваюсь по сторонам – пусто. Он не пришел.

Внутри меня все обрывается. На ватных ногах возвращаюсь во двор и оставляю миску с яйцами за калиткой. Если Йона нет, придется относить их самой, и лучше обойтись без лишних свидетелей. Так что сперва отведу детей к бабке, а уже потом сделаю, что должна.

В голове крутятся мысли о том, почему он не пришел. Никаких признаков болезни я вчера не заметила, так что, вероятнее всего, он не пришел, просто потому что передумал со мной общаться. Наверняка, или воспитание не позволило сказать все прямо, или он струсил и из-за этого не смог. Сердце сдавливает болезненным спазмом. И что теперь будет? В классе он тоже перестанет со мной общаться? Мы станем просто двумя школьниками, которые сидят за одной партой? Хотя если он сохранит мою тайну, уже будет неплохо.

Я настолько погружена в свои переживания, что даже не реагирую на язвительные слова бабки. Отдав мальчишек, поворачиваю к своему дому. Ноги переставляются с трудом – все во мне противится тому, чтобы вновь идти в дом бабы Мани.

Внезапно меня кто-то нагоняет и хватает за руку. Поворачиваюсь – Йон, согнувшись, упирается рукой в колено и пытается отдышаться. Когда это ему удастся, он произносит:

- Уффф! Представляешь, проспал сегодня! Хорошо, служанка побоялась, что завтрак остынет, и пришла о нем напомнить. Надо же так попасть! Вчера снова допоздна сидел в библиотеке, пытаюсь отыскать что-нибудь полезное, и, видимо, организм мне за это решил отомстить. Ты как – уже отнесла яйца?

Чувствуя, как мир снова обретает краски, отрицательно качаю головой, опасаясь, что из-за кома в горле не смогу сказать ничего внятного.

- Ладно, пойдем!

Возвращаемся ко мне домой, я передаю ему яйца и по дороге к бабе Мане все-таки рассказываю о ее вреднучей козе. Йон усмехается:

- Не переживай! Если сунется ко мне, я ее так огрею, что мало не покажется. Это ты мелкая и нестрашная, а у меня кулаки вот какие! – он демонстрирует действительно внушительного размера кулак.

Пока относит яйца, удастся окончательно прийти в себя. Теперь мои мысли о том, что Йон мог меня предать, кажутся странными – он же ни разу не дал повода плохо о себе подумать и всегда был на моей стороне. Может, это еще один признак подступающего безумия?

- Как ты? - спрашивает парень сразу же после возвращения.

Пожимаю плечами:

- Сегодня со мной ничего странного не происходило. По твоему совету на ночь связала ноги и положила мокрую тряпку, но, кажется, предосторожность оказалась излишней. А ты нашел что-нибудь полезное?

Теперь его очередь пожимать плечами:

- Не знаю. Я решил сперва набрать хотя бы три книги, которые покажутся подходящими, а потом уже пробовать разобрать, есть ли в них что-то полезное. Отец купил библиотеку у какого-то разорившегося аристократа, но сам, так же как и мама, не принадлежит к любителям чтения. Его не волнует, что нужно сделать каталог или как-то упорядочить книги по темам. Для отца достаточно того, что он может хвастаться библиотекой в разговоре.

- Немного обидно за книги. Он хоть сохраняющие заклинания повесил?

- Конечно, - усмехается Йон. – За них ведь деньги уплачены.

- А родителям ты как-то объяснял, почему начал интересоваться библиотекой? Они наверняка в курсе, что ты тоже не любитель книг.

- Они пока не спрашивали. Но ты права – лучше придумать отмазку заранее. Хотя чего это я? Можно использовать ту же, что и для твоей матери – ищем книги по «Сказаниям о Богах». Если они вдруг попадутся, прихватим их за компанию и положим на видном месте.

- Как скажешь.

- А ты не можешь оказаться магом? Например, некромантом? – с надеждой спрашивает Йон.

- Нет, - огорченно вздыхаю я. – Последний раз проверялась, когда к вам приезжал маг, чтобы прочитать заклятья на здоровье скота. Он сказал, что магии во мне нет совсем.

- А она не может появиться вдруг?

- Можем уточнить в книге, но насколько я помню объяснения учителя, не может.

- А вдруг ты некромант, и тот маг просто не смог рассмотреть твою силу?

- Сила - она сила и есть. Даже если маг не иницирован, она все равно чувствуется. Просто до инициации маг не может ею пользоваться. Обычно инициация происходит в возрасте от пяти до десяти лет у всех магов, кроме некромантов, у которых она может произойти в любой момент, а может и не произойти вовсе. Но я совершенно точно не маг.

- Как ты все это помнишь? – усмехается Йон.

- А как ты помнишь, какой именно художник нарисовал ту или иную картину? Или виды красок и техник рисования? Просто запоминается лучше всего то, что интересует, а слушать про магов мне было очень увлекательно. Я до последнего надеялась, что каким-то образом у меня появятся магические способности.

- Но если найдем книгу по основам магии, давай, на всякий случай, перепроверим.

Пожимаю плечами:

- Если тебе так будет спокойнее.

В школе Таэта сразу же подбегает к Йону:

- Привет! Придешь завтра на посиделки?

- Прости, но нет, - обаятельно улыбается Йон. – Может быть, в следующий раз. Появились планы, которые нельзя отменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.